

К.А. Баршт (Санкт-Петербург)
ORCID ID: 0000-0002-1152-4083

**ПАРОДИИ В.П. БУРЕНИНА В ТВОРЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ» И В СТАТЬЕ
«ГОСПОДИН ЩЕДРИН, ИЛИ РАСКОЛ В НИГИЛИСТАХ»**

Работа выполнена при финансовой поддержке
Российского научного фонда, проект № 18-18-00263

Аннотация. В статье анализируются три аллюзивные адреса, связывающие пародии В.П. Буренина с эпизодами в произведениях Ф.М. Достоевского. Первый из них объясняет генезис названия последнего произведения Кармазинова, героя романа «Бесы», восходящий к тексту сатирического стихотворения В.П. Буренина «Парижский альбом», опубликованного в 1863 г. в «Искре». В этой пародии, направленной на стихотворный цикл А.Н. Майкова, содержится реплика И.С. Тургенева, где знаменательно рифмуются «Мерси» и «Христос спаси». Во втором из описываемых эпизодов речь идет о пародии Буренина «Пирожница с берегов Рейна или Русский дворянин за границей (Тургеневская повесть)», опубликованной в феврале-марте 1872 г. в газете «Искра» под псевдонимом «Опасный соперник г. Тургенева». В этой повести описывается характер «русского жентильома», обладающего свойствами «лакея мысли». С этой пародией на «Вешние воды» Тургенева Достоевский познакомился в начале 1872 г., когда начал работу над 3 частью романа «Бесы». Третий описываемый в статье эпизод относится к повести Буренина «Из записок самоубийцы», где в пародийной форме воспроизводится мысль о молодом поколении, звучащая в статье Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», написанной в период полемики между журналом братьев Достоевских «Время» и «Современником» («Свистком»). В памфлете Буренина с иронией говорится о словосочетании «засидели идею как мухи», которую Щедрин использует в одном из своих фельетонов (мартовском номере от 1864 г.), по мнению Достоевского, позаимствовав ее из статьи в журнале «Время».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; В.П. Буренин; роман «Бесы»; статья «Господин Щедрин, или раскол в нигилистах»; повести «Из записок самоубийцы» и «Пирожница с берегов Рейна»; творческая история; аллюзия; парафраз; интонация повествователя.

К.А. Barsht (Saint-Petersburg)
ORCID ID: 0000-0002-1152-4083

**V.P. Burenin's Parodies in the Creational History
of "The Demons" by F. Dostoevsky and in the Article
"Mr. Shchedrin, or the Schism in Nihilists"**

Abstract. In this particular article three allusive addresses linking V.P. Burenin's parodies with episodes in F.M. Dostoevsky's works are analyzed. The first of them explains the genesis of the name of Karmazinov's last work, Merci, in the novel "The

Demons”, dating back to the text of Burenin’s satirical poem “Paris Album”, published in 1863 in the “Iskra”. In this parody, aimed at A.N. Maykov’s poetic cycle, was depicted a direct speech by Ivan Turgenev with the significant rhyme: “mercy” and “Hristos spasy (Christ, save me)”. The second of the studied episodes focuses on Burenin’s parody novel “The Baker of Pies from the Banks of the Rhine, or A Russian Nobleman Abroad (Turgenev’s novel)”, published in February and March 1872 in the newspaper “Iskra” under the provocative nickname “Mr Turgenev’s Dangerous Rival”. This novela depicts the national character a “Russian gentleman” with the qualities of “footmans thinking.” Dostoevsky encountered this parody of Turgenev’s “Veshnie Vody” in early 1872, when he began working on the third part of the novel “The Demons”. The next episode described in the article refers to Burenin’s story “From The Suicide’s Notes”, where the idea of the younger generation is reproduced parodically which first appeared in Dostoevsky’s article “Mr. Shchedrin, or the Schism in the Nihilists”, written during the controversy between the Dostoyevsky brothers’s journal “Time” and “Contemporary” (“Whistle”). The Burenin’s pamphlet ironically refers to the phrase “idea, covered with flies” which, according to Dostoevsky, Shchedrin borrowed from his magazine “Vremya” for one of his satires (March of 1864).

Key words: F.M. Dostoyevsky; V.P. Burenin; “The Demons”; “Mr. Shchedrin, or the Schism in Nihilists”; “From The Suicide’s Notes” and “The Baker of Pies from the Banks of the Rhine” by Burenin; creative history; allusion; paraphrase; narrator’s intonation.

1

Достоевский рассматривал свой роман «Бесы» как гражданский акт сопротивления социалистической революции, надвигавшейся, как это ему было очевидно, на Россию. Особенно опасными ему представлялись не только молодые соотечественники, отравленные коммунистической идеологией – «нигилисты», но и известные писатели, «властители умов», заигрывающие с радикальными элементами и «интернационалкой». Первым в этом ряду был И.С. Тургенев, и совсем не случайно, создавая на него пародию в романе «Бесы», Достоевский дает ему имя «Кармазинов», от французского слова «cramoisi» (багровый) [Никольский 1921, 64]. В «Бесах» обнаруживается множество аллюзий на произведения Тургенева – «Дым», «Призраки», «Довольно», «По поводу „Отцов и детей“», «Казнь Тропмана», отмеченные в литературе о писателе [Достоевский 1972–1990, XXX (2), 352–354]. Но можно добавить к этому ряду еще одну.

На описанном в романе «Бесы» литературном вечере («празднике») основным событием должно было стать чтение «великим писателем» Кармазиновым его произведения, предполагаемого шедевра под названием «Мерси»: «он прочтет у нас свою последнюю вещь, еще никому не известную. Он бросает перо и более писать не будет; эта последняя статья есть его прощание с публикой» [Достоевский 1972–1990, X, 236]. Это произведение «великого писателя» упоминается в романе Достоевского и далее [Достоевский 1972–1990, X, 250, 356–357]. Можно высказать предположение, что название кармазиновского шедевра сформировалось не без вли-

яния сатирического стихотворения В.П. Буренина из цикла «Парижский альбом», опубликованного в 1863 г. в «Искре» под псевдонимом «Владимир Монументов» [Искра 1863], в роли пародии на цикл стихотворений А.Н. Майкова «Неаполитанский альбом» [Майков 1862, 337–352]. Стихотворение высмеивает тематику произведений И.С. Тургенева как представителя литературного «бомонда», в текстах которого весьма характерным образом рифмуются «Мерси» и «Христос спаси»:

В русской церкви за обедней
Весь beau monde наш собрался;
Там Тургенева я встретил;
Поболтали с полчаса.
«Каково, Иван Сергеич,
Поживаете?» – «Merci.
Все пишу о нигилистах –
Русь от них Христос спаси!» [Буренин 1987, 314]

Не вызывает сомнений, что Достоевский, в роли соредатора журналов «Время» и «Эпоха» внимательно изучавший современную периодику, был знаком с этим опусом Буренина, и вероятно именно в нем коренится название плода «изящнейшего беллетристического вдохновения» Кармазинова, упомянутого в романе «Бесы».

2

Возможно, что на формирование характерного типа «русского жентильома», готового к любой форме низкопоклонства перед Западной Европой, олицетворенного Кармазиновым в «Бесах», оказала влияние пародия В.П. Буренина «Пирожница берегов Рейна или Русский дворянин за границей (Тургеневская повесть)», опубликованная в феврале-марте 1872 г. в газете «Искра» под провокационным псевдонимом «Опасный соперник г. Тургенева» [Искра 1872]. В этом юмористическом опусе легко узнаются сюжет и стиль «Вешних вод», а в эпилоге содержатся прозрачные намеки на отношения Тургенева и Полины Виардо [Анненков 1999, 519–520]. В.П. Буренин, как провозвестник «цинического реализма» не находивший в литературе места для каких-либо лирических интонаций, считал «Вешние воды» образцом «пошлой глупости», в которых изображаются «шепот и робкое дыханье, взоры, ланиты и талии, берег реки и куст развесистый...» [Игнатова 2008, 14–18].

В течение 1871 г., переходя из номер в номер, роман «Бесы» печатался в журнале «Русский вестник» [Русский вестник 1871], однако после отказа редакции опубликовать главу «У Тихона», с конца 1871 – начала 1872 г. этот процесс был приостановлен, и почти половина текста романа осталась неопубликованной, да и все произведение оказалось под большим вопросом. Об этом тяжелом конфликте с редакцией «Русского вестника» Достоевский написал Анне Григорьевне 4 января 1872 г. [Достоевский 1972–1990,

XXIX (1), 223]. В течение двух месяцев после этого писатель переделывал главу, пытаясь угодить требованиям редакторов и добиться согласия на публикацию, но добавочная проблема заключалась в том, что М.Н. Катков требовал для принятия решения всей или почти всей третьей части романа. В марте-апреле выяснился категорический отказ «Русского вестника» от главы «У Тихона», и далее работа шла над заключительными главами второй части «Степана Трофимовича описали» и «Флибустьеры. Роковое утро», которые по первоначальному плану следовали за первой главой третьей части «У Тихона», а затем шли остальные главы третьей части романа. Публикация романа возобновилось лишь через год, в ноябре 1872 г. [Русский вестник 1872]. Главы «Праздник» и «Окончание праздника», с которых начинается третья часть романа, писались в мае-июле 1872 г., в подготовительных материалах к «Бесам» сохранились тезисы речи Степана Трофимовича [Достоевский 1972–1990, IX, 314–332, 342–413], эти главы были отправлены в издательство 19 июля 1872 г.

Возможно, дорабатывая начальные главы третьей части «Бесов», где содержится описание «Праздника», Достоевский познакомился с буренинской пародией на «Вешние воды» Тургенева, напечатанной, как указано выше, в начале 1872 г. в «Искре». В этом произведении Буренин создал описание характера «русского жантильома», лишенного минимальной способности к аналитическому размышлению, считающего любого западноевропейца человеком выше себя и всякого русского по всем возможным параметрам и во всех отношениях, а также испытывающего непреодолимое желание унижаться и раболепствовать перед ним. Есть основания полагать, что Достоевский с горячим одобрением принял эту пародию Буренина. Он и сам не раз писал в своих статьях об оторвавшихся от родной почвы русских баричах, представителях «Белой Арапии», праздно и без всякого смысла торчащих в Европе как «пережитке прежних времен»: «баричи (quelques gentilhommes qui se sont occupés de la litterature). Белая Арапия – барская затея. А с Белой Арапией все сказано, дальше некуда – в безвоздушное пространство. Это остатки прежнего либерализма, имевшего свой исторический склад, но совершенно отжившего и присутствующего еще в огромной массе отживших людей, ходячих трупов, свободных от земли, отставших и никуда не приставших, которые представляют из себя вялое, пошлое поколение наших шатающихся даром лишних людей» [Достоевский 1972–1990, XX, 187]; «gentilhomme russe et citoyen du monde прежде всего, тип, явившийся только в России и который нигде, кроме России, не мог явиться» [Достоевский 1972–1990, XXI, 8–9].

В сатирической повести Буренина описывается именно такого рода персонаж. Это двадцатидвухлетний дворянин, Хрисанф Девственников, оправдывающий свое нахождение в Германии насущной необходимостью постоянно лицезреть рыцарские замки. Заметим, что в его имени звучит скрытое обращение к Достоевскому – намек на героя «Бедных людей» Девушкина, наивного и доброго мелкого служащего, основным свойством характера которого также была гипертрофированная мечтательность. Ос-

новное занятие Хрисанфа – лакейское услужение каждому встречному, а также эротико-мечтательные воужеления, над которыми смеются или которые используют в своих целях окружающие. Объекты его восхищения и поклонения – пожилой итальянец, которому, по его словам, маркиз Жильбер Лафайет подарил двух индюков (действие повести происходит в 1840 г., Лафайет умер в 1834 г., таким образом, речь идет об индюках-долгожителях), его дочь Кора, беспрерывно выпекающая пирожки с коровьим выменем, обладательница выдающегося бюста, от которого пылкий Хрисанф не может оторвать глаз, и ее младший брат, «златовласый младенец» Асканио, отличающийся волчьим аппетитом и большим нахальством. Повесть состоит из ряда нелепых ситуаций, которые раз за разом создает сам Хрисанф, основанных на его неуклюжих попытках подобострастно услужить им всем. А далее – еще и сапожнику, мужу Кору и множеству рожденных в этой семье детей, в то время как сама Кора не без успеха стремится побить рекорды Мессалины. «Европейцы» в повести Буренина несут чепуху, которую с благоговением выслушивает Девственников, самого его, с основаниями и без оснований, поминутно называют дураком, мотивируя это именно тем, что «все русские дураки», «русские ужасно глупы и у них все глупо, даже имена. Но зато у них просторная земля и есть мужики» [Буренин 1874, 271, 267–268 и др.]. Ему в прямом смысле плюют в лицо, отбирают денежные средства, заставляют рубить коровье вымя для пирожков, однако он продолжает находиться в благоговейном состоянии при мысли о том, что он в Европе, и посему его поминутно охватывает «неизъяснимый восторг» [Буренин 1874, 283]. Контрапунктом тональности описанных ситуаций является презрительно-брезгливая интонация повествователя повести, со всей очевидностью содрогающегося от отвращения ко всему тому, что он описывает.

Жанровая специфика повести говорит о том, что такова же была и позиция конкретного автора этого произведения. Несмотря на былую жесткую полемику с журналами братьев Достоевских «Время» и «Эпоха», в своем отвращении к раболепствующему «жантильому» Буренин максимально сближается с почвеннической позицией Достоевского, одним из главных пунктов которой было отрицание необходимости слепого копирования всего «европейского», и, тем более – отрицание априорной униженной позиции перед ценностями западноевропейской цивилизации. В 1860-е гг. Бурениным было высказано немало критических замечаний в адрес этой историософской доктрины Достоевского, однако, возможно неожиданно для них обоих, позиции двух писателей сошлись в 1870-е гг. И Достоевский, который самым внимательным образом следил за творчеством Буренина, не мог этого не заметить и не оценить по достоинству. Вероятно, описанный Бурениным апофеоз лакейского преклонения перед всем «западноевропейским» запал ему в душу, и работая над романом «Бесы», он сделал ряд записей, которые вполне могли бы послужить комментарием к повести Буренина.

Перед романом «Бесы» Достоевский продумывал повесть «Картузов»,

герой которой типологически близок к Мышкину из только что написанного романа «Идиот», он так же «наивен» и «целомудрен», однако в отличие от достаточно красноречивого и яркого собеседника Мышкина, «молчалив, сух», «не умеет говорить», а если говорит, то краткими предложениями, почти афоризмами, как указывает писатель: «вдруг изрекает мысли»; этот персонаж писателя, согласно замыслу Достоевского, «выражается резко о лакействе, краснеет, молчит» [Достоевский 1972–1990, XI, 42]. Далее, создавая для «Бесов» характер честного нигилиста, имевшего на этой стадии работы над романом рабочий псевдоним «Студент», Достоевский, вероятно, вспоминал характер Буренина, подчеркивая отвращение своего персонажа ко лжи и лицемерию: «вдруг под конец обеда, по поводу манер, говорит, что наш дворянин за границей лакей (костюм, рабство, обязанность говорить о чужом интересе и не иметь своего ни лица, ни интереса)» [Достоевский 1972–1990, XI, 71]. Как бы поясняя эту выходку своего героя, Достоевский записывает: «Европейничание первым делом несет с собою лень, ничегонеделание, снимает обязанности и заботы, отнимая инициативу и предлагая копировку, тупость и лакейство мысли. Труд переплетчика легче, чем сочинителя. Оно и соблазнительно. Сами не знают, чему поклонились» [Достоевский 1972–1990, XI, 137].

Более развернутая формулировка той же мысли появляется через несколько страниц его рабочей тетради: «NB. Западничество есть лакейство, лакейство мысли. <...> “Вест(ник) Европы” сердится на Пушкина за старинную эпиграмму. Судорожная ненависть к России. Если случится факт к хвале русскому народу, то их уже коробит. <...> начинается старание унижить факт, измельчить его до ничтожности, напомнить о всех недостатках. Наш либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому сапоги вычистить» [Достоевский 1972–1990, XI, 169]. То, что Достоевский вспоминал здесь Буренина (более ранние его произведения), подтверждается другой записью, фиксирующей диалог между Картузовым и генералом: «Картузов: “Ваше превосходительство, Россия есть игра природы”. Губ<ернатор>: “Игра природы?” Картузов: “Россия есть недоразумение, огромное недоразумение. Значит, игра природы, а не ума”. Губ<ернатор>: “Да вы философ?” Картузов: “Цинической секты, в<аше> пр<е> восходит<ельство>”» [Достоевский 1972–1990, XI, 280]. Здесь звучит очевидный намек на Буренина, вспомним, что своим основным достижением в литературе Буренин считал разработку и внедрение методологии и практики «цинического реализма», нового художественного метода, идущего на смену обветшалым, по его мнению, моделям, представленным Тургеневым, Толстым и другими писателями «золотого века» русской литературы. Он писал: «я чувствую, что искусство в его современном направлении должно стремиться к циническому реализму, что это стремление есть новый шаг от реализма эстетического, господствовавшего до сих пор и уже совершившего свой круг» [Санкт-Петербургские Ведомости 1872, 1], [Игнатова 2010, 139].

Эти наброски обрели свой окончательный вид в сцене беседы пове-

ствователя с Шатовым, героем романа «Бесы», в полной мере воплощающим в своем характере и мировоззрении идеалы «почвенничества»:

«Люди из бумажки; от лакейства мысли всё это, – спокойно заметил Шатов, присев в углу на стуле и упершись обеими ладонями в колени. – Ненависть тоже тут есть, – произнес он, помолчав с минуту, – они первые были бы страшно несчастливы, если бы Россия как-нибудь вдруг перестроилась, хотя бы даже на их лад, и как-нибудь вдруг стала безмерно богата и счастлива. Некого было бы им тогда ненавидеть, не на кого плевать, не над чем издеваться! Тут одна только животная, бесконечная ненависть к России, в организм въевшаяся... <...> Наш русский либерал прежде всего лакей и только и смотрит, как бы кому-нибудь сапоги вычистить. – Какие сапоги? Что за аллегория? – Какая тут аллегория!» [Достоевский 1972–1990, X, 110–111].

В разговоре с женой Шатов выражается еще более резко, сравнивая французских революционеров с завистливыми обывателями и утверждая, что окончательно идеологически отказался от противников «живой жизни; устарелых либералишек, боящихся собственной независимости; лакеев мысли, врагов личности и свободы, дряхлых проповедников мертвечины и тухлятины! Что у них: старчество, золотая середина, самая мещанская, подлая бездарность, завистливое равенство, равенство без собственного достоинства, равенство, как сознает его лакей или как сознавал француз девяносто третьего года...» [Достоевский 1972–1990, X, 442]. Согласно мысли Шатова, а также и его автора, Достоевского, в основе будущего России лежит не идея «завистливого равенства», но братской любви и полноценного развития личности каждого, при которых о «равенстве» и речи нет, т.к. люди неравны по определению; эту идею он проповедовал затем в «Братях Карамазовых» и своей «Пушкинской речи».

3

Творческий диалог двух писателей продолжался и в 1874 г., когда была написана повесть Буренина «Из записок самоубийцы». На этот раз предметом шуток со стороны критика стали некоторые детали статьи Достоевского «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах» [Достоевский 1972–1990, XX, 102–120], написанной в период бурной полемики между журналом братьев Достоевских «Время» и «Современником» («Свистком»). В статье Достоевского фигурирует литератор Щедродаров, за этим именем легко просматриваются имя ведущего автора и идеолога журнала в 1863–1864 гг. М.Е. Щедрина, публиковавшего из номера в номер «Современника» свой обзор «Наша общественная жизнь». В памфлете Достоевского говорилось о словосочетании «засидели идею как мухи», по мнению писателя, в одном из своих фельетонов (мартовском от 1864 г. [Современник 1864, 27–62]) М.Е. Салтыков-Щедрин позаимствовал метафору из статьи Достоевского в журнале «Время».

В этом эссе Щедрина речь шла о двух главных опасностях, стоящих на пути развития русского общества: тесно спаянных с государственной

машиной «мальчишках» и противостоящих ей радикалах – негодных «мальчишках» («нигилистах»), которые, каждый по своему, уничтожают страну, своей деятельностью останавливая «развитие действительно живых сил общества <...> на тех битых колеях, из которых оно давно рвется выбиться», приводят историческую ситуацию к «мрачным последствиям» [Салтыков-Щедрин 1968, 294]. Щедрин сокрушается, что эта «молодежь» вовсе не «общественные деятели», а «мразь», которая много хуже, чем даже «старые драбанты» [Салтыков-Щедрин 1968, 248]. Достоевский в своей статье цитирует этот выпуск «Нашей общественной жизни»: «Но без сомнения всего более способствуют заблуждению публики некоторые вислоухие и юродствующие, которые с ухарскою развязностью прикомандировывают себя к делу, делаемому молодым поколением... Одним своим участием они делают неузнаваемым всякое дело, до которого прикасаются, подобно тому, как мухи летом в одну минуту засиживают какую угодно вещь, хотя бы самую драгоценную... Нет мысли, которой наши вислоухие не обеславили бы, нет дела, которого они не засидели бы» [Достоевский 1972–1990, XX, 114], [Щедрин 1863, 175–202], [Салтыков-Щедрин 1968, 321–322, 325].

Согласно его мнению, здесь содержится повторение мыслей, которые ранее звучали в его журнале: «"Время" тогда только о плутах говорило и справедливо: ведь либерализмом и прогрессивном они все равно что торговали у нас в последнее время. Я же об вислоухих упомянул. Из этих хоть есть честные, да все перепортили» [Достоевский 1972–1990, XX, 114–115]. Достоевский имеет в виду «Объявление о подписке на журнал "Время"» на 1863 г. [«Время»... 1862, 1–12]: «Но мы ненавидим пустых, безмозглых крикунов, позорящих всё, до чего они ни дотронутся, марающих иную чистую, честную идею дже одним тем, что они в ней участвуют; свистунов, свистящих из хлеба и только для того, чтоб свистать; выезжающих верхом на чужой, украденной фразе, как верхом на палочке, и подхлестывающих себя маленьким кнутиком рутинного либерализма. Убеждения этих господ им ничего не стоят. Не страданием достаются им убеждения. Они их тотчас же и продадут за что купили. Они всегда со стороны тех, кто сильнее. Тут одни слова, слова и слова, а нам довольно слов; пора уж и синицу в руки» [Достоевский 1972–1990, XX, 211].

Отсюда делается вывод, что «Современник», конфликтующий с «Временем» по идеологическим соображениям, на самом деле повторяет идеи, высказанные в этом же журнале. В черновике статьи «Господин Щедрин», отвечая на мартовский выпуск его «Нашей общественной жизни», Достоевский подчеркивает: «В статью ответ "Современнику". Все это было чрезвычайно комично: сначала уничтожался Тургенев (из угожд<ения> "С<овременни>ку") за то, что он художник, и вдруг выдумывают про г-д Зайцева и Писарева, что они засидели идею, как мухи, – за то же самое, за их антихудожественность. Все это комично» [Достоевский 1972–1990, XX, 195]. В окончательном тексте статьи Достоевского «Щедродаров» получает упрек в том, что он позаимствовал этот оборот из журнала «Вре-

мя»: «откуда, откуда у вас теперь могли завестись свои мысли? Вы взяли их из «Времени»!» [Достоевский 1972–1990, XX, 113]. Отвечая на это, тот соглашается с тем, что «сошелся мыслями» с журналом «Время», и указывает на особенно удавшийся ему оборот: «У меня тут есть: “засидели идею, как мухи”. Это прекрасное словечко, и жаль, что вы его не понимаете!» [Достоевский 1972–1990, XX, 114].

Работая над своей повестью «Из записок самоубийцы», В.П. Буренин, вероятно, вспомнил этот диалог о «реформаторах», «засидевших идею как мухи», который проходил между Достоевским и Щедриным в 1862–1864-е гг. В его сатирической повести появляется персонаж по имени Пахомов, который на заседании домашнего литературного кружка зачитывает фрагмент из выдающегося, по его мнению, сочинения известного литератора, обладателя «неистойвой гениальности» Асклепиодота Амфилоховича, одновременно позиционируя себя в роли «вестовщика произведений этого гения, еще неизвестных миру». Далее он с торжеством читает опус, «усердно оттеняя необычайный, поражающий юмор писавшего». В прочитанном им отрывке говорилось «о каких-то идеях, которые стремятся “пакостить, засидеть” какие-то “консервативные мухи” и потом внезапно Россия сравнивалась игриво с какой-то неудобноназываемой деталью человеческого тела. Это сравнение окончательно всех восхитило. В особенности восхищался Пискленков: он засунул два пальца за борт сюртука, важно выпятил грудь, сжал брови и произнес, будто говорил в заседании суда, следующую тираду: – Я признаю несомненное, громадное значение за сатирой Асклепиодота Амфилоховича. Какая глубина! Какая сатирическая сила! Какая неистощимость и разнообразие в приемах! Я нахожу, что он идет гораздо далее Гоголя». К этой оценке тут же присоединяется «мозольный оператор», указывая, что ежемесячные выпуски «Пустопорожного радикала», в котором печатаются тексты гениального сатирика, говорят не только о его таланте, но и большой работоспособности: «И заметьте, какая плодовитость у Асклепиодота Амфилоховича: каждый месяц, каждый месяц, так и качает в “Пустопорожном”. Удивительный талант!» [Буренин 1874, 83–87].

Говоря о том, что пресловутый «талантливый сатирик» идет «дальше Гоголя», Буренин, вероятно, имел в виду известную полемику о Достоевском в период его литературного дебюта (1846 г.): повторяет ли он Гоголя в своем романе «Бедные люди», или «идет дальше». О Достоевском как «новом Гоголе» в 1840-е гг. говорили В.Г. Белинский, Н.А. Некрасов, Д.В. Григорович и др. [Баршт 2015, 385–390]. Что же касается ежемесячного издания, которое неумоимо «качает» в общество либеральные идеи, возможно, Буренин имел в виду журнал «Гражданин» Достоевского, где в с января 1873 по апрель 1874 г. печатался его «Дневник писателя». Возможен также намек на М.Е. Салтыкова-Щедрина в его «Нашей общественной жизни», ежемесячно появлявшейся в очередных номерах «Современника». Аллюзивный план обнаруживает и сравнение России с «неудобноназываемой деталью человеческого тела».

Возможно, это намек на сатирическую статью Достоевского «Щекотливый вопрос. Статья со свистом, с превращениями и переодеваниями», в которой в пародийном духе изображается нечто вроде заседания английского клуба, где докладчик оспаривает обвинение в том, что он «развратил общество и особенно юную часть его», что он «возбуждал, и проч., и проч.»: «Обхожу на время вопрос о возбуждении общества и займусь его «юною частию» <...> Точно никто не знает эту юную часть, точно никто сам из них не был юным и не помнит, как развивается юношество, особенно на нашей почве!» [Достоевский 1972–1990, XX, 39]. Возникает двойная аллюзия: словосочетанием «юная часть» Достоевский иронизирует над «мальчиками» и «мальчишками» М.Е. Салтыкова-Щедрина; Буренин, в свою очередь, создает пародирующую Достоевского формулировку в классическом бурлескном стиле, смешивающим «высокое» и «низкое».

ЛИТЕРАТУРА

1. Анненков П.В. Письмо И.С. Тургеневу от 30 марта (11 апреля) 1872 г. // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Т. XI. М., 1999. С. 519–520.
2. Баршт К.А. Литературный дебют Ф.М. Достоевского: творческая история романа «Бедные люди» // Достоевский Ф.М. Бедные люди. М., 2015. (Литературные памятники). С. 385–390.
3. Буренин В.П. Из записок самоубийцы // Буренин В.П. Очерки и пародии. СПб., 1874. С. 83–87.
4. Буренин В.П. Парижский альбом (посвящается А.Н. Майкову) // Поэты «Искры». Т. 2. Л., 1987. С. 395–397.
5. Буренин В.П. Пирожница с берегов Рейна // Буренин В.П. Очерки и пародии. СПб., 1874. С. 259–299.
6. «Время» журнал литературный и политический, издаваемый М. Достоевским // Время. 1862. № 9. Сентябрь. С. 1–12.
7. Достоевский Ф.М. Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах // Эпоха. 1864. № 5. С. 274–294.
8. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л., 1972–1990.
9. Игнатова И.Б. Литературно-критическая деятельность В.П. Буренина: генезис, эволюция, критический метод: дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. М., 2010.
10. Искра. 1863. № 4.
11. Искра. 1872. 13 февраля – 5 марта. № 7–9.
12. Майков А. Неаполитанский альбом. XXXII стихотворения // Отечественные записки. 1862. № 12. С. 337–352.
13. Никольский Ю.А. Тургенев и Достоевский. (История одной вражды). София, 1921.
14. Русский вестник. 1871. № 1, 2, 4, 7, 9–11.
15. Русский вестник. 1872. № 11, 12.
16. Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 6. М., 1968.
17. Санкт-Петербургские Ведомости. 1872. 12 августа.
18. Современник. 1864. № 3. С. 27–62.
19. [Щедрин М.Е.] Наша общественная жизнь // Современник. 1863. № 3. С. 175–202.

REFERENCES

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

1. Barsht K.A. Literaturnyy debyut F.M. Dostoevskogo: tvorcheskaya istoriya romana “Bednye lyudi” [F.M. Dostoevsky’s Literary Debut: The Creative History of the Novel “Poor People”]. *Dostoevskiy F.M. Bednye lyudi, Series: Literaturnye pamyatniki* [Poor People, Series: Literary Monuments]. Moscow, 2015, pp. 385–390. (In Russian).

(Monographs)

2. Nikol’skiy Yu.A. *Turgenev i Dostoevskiy. (Istoriya odnoy vrazhdy)* [Turgenev and Dostoevsky (The Story of One Antagonism)]. Sofia, 1921. (In Russian).

(Thesis and Thesis Abstracts)

3. Ignatova I. B. *Literaturno-kriticheskaya deyatel’nost’ V.P. Burenina: genesis, evolyutsiya, kriticheskiy metod* [The Literary-Critical Activity of V.P. Burenin: Genesis, Evolution, Critical Method]. PhD Thesis. Moscow, 2010. (In Russian).

Баршт Константин Абрекович, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН.

Доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник. Области научных интересов: история русской литературы XIX и XX вв., поэтика, нарратология, невербальные языки в рукописях писателя, творчество Ф.М. Достоевского и А.П. Платонова.

E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru

Barsht Konstantin A., Institute of Russian literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences.

Doctor of Philology, Professor, Leading Researcher. Research interests: history of Russian literature of the 19–20 cc., poetics, narratology, non-verbal languages in writer’s manuscripts, works by F.M. Dostoevsky and A.P. Platonov.

E-mail: konstantin_barsht@pushdom.ru